
ОБСУЖДЕНИЯ

СТРАНЫ БРИКС: ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, УЯЗВИМОСТЬ, СТАТУС ГЛОБАЛЬНЫХ ИГРОКОВ (ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДИСКУССИИ ГРУППЫ СИТУАЦИОННОГО АНАЛИЗА ИНИОН РАН) /

**Л.М. Григорьев, Д.В. Ефременко, И.А. Помигуев,
В.А. Павлюшина, Э.Р. Салахетдинов, А.М. Понамарева,
Л.А. Поповец, М. Ф. Стародубцева***

1 августа 2019 г. состоялось заседание Группы ситуационного анализа ИНИОН РАН, посвященное перспективам российского председательства в группе БРИКС в 2020 г. Вниманию читателей

* **Григорьев Леонид Маркович**, кандидат экономических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва), e-mail: lgrigor1@yandex.ru; **Ефременко Дмитрий Валерьевич**, доктор политических наук, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва), e-mail: efdv2015@mail.ru; **Помигуев Илья Александрович**, канд. полит. наук, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва), e-mail: romilya@mail.ru; **Павлюшина Виктория Александровна**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Аналитический центр при Правительстве РФ (Москва), e-mail: pa_victoria@mail.ru; **Салахетдинов Эльдар Рустамович**, Институт Африки РАН (Москва), e-mail: vsms2007@yandex.ru; **Понамарева Анастасия Михайловна**, канд. соц. наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва), e-mail: amp1982@mail.ru; **Поповец Любовь Андреевна**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва), e-mail: liubovpopovets@gmail.com; **Стародубцева Марина Федоровна**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва), e-mail: mfstarodubtseva@edu.hse.ru

предлагается та часть дискуссии, в которой были затронуты проблемы государственной состоятельности, уязвимости и международного статуса стран БРИКС.

Ефременко Д.В. Уважаемые коллеги, я хотел бы оттолкнуться от того тезиса, который сформулировал Леонид Маркович [Григорьев]: различий между странами БРИКС значительно больше, чем черт сходства. Тем не менее они стремятся к выработке совместной политико-экономической повестки, причем претендуют на роль игроков, в большей или меньшей степени нацеленных на изменения глобальных правил игры и располагающих для этого немалым ресурсным потенциалом. Я согласен с этим. Но здесь есть несколько аспектов, на которых нам имеет смысл остановиться подробнее.

Прежде всего, как при всем различии моделей социально-экономического развития, истории и культурных традиций стран БРИКС найти инструменты их сопоставления по широкому спектру показателей? Страны БРИКС надо сравнивать как друг с другом, так и с внешними игроками. В российской политической науке есть очень хороший задел. Я, прежде всего, имею в виду масштабный исследовательский проект, который реализуется в Высшей школе экономики под руководством А.Ю. Мельвиля, так называемый «Атлас 2.0». Его участники проводят сравнительный анализ мощи и политического влияния государств мира с использованием широкого инструментария количественных и качественных методов. Там есть и кластеризация, и паттерн-анализ, и различные варианты интерпретации статистических данных. Важно, что в новом проекте используются модели сетевого анализа, которые позволяют определить особенности взаимодействия стран между собой, а не просто проводится количественный анализ международной системы, как в первом варианте «Атласа».

Среди зарубежных проектов многомерного статистического анализа можно назвать Индекс человеческого развития ПРООН, проект «Полития» («Polity») Т. Гурра, проекты Хельсинкского университета под руководством Т. Ванханена, совместный проект консалтинговой компании «A.T. Kearney» и журнала «Foreign Policy» «Индекс глобализации», Индекс трансформации Бертельсмана, Индекс мировой конкурентоспособности (Всемирный экономический форум) и др. Не затрагивая проблемы методологии создания такого рода индексов, следует отметить эвристическую значимость экспликации в этих исследованиях разнообразных условий и способов ответа го-

сударственных акторов на внутренние и внешние вызовы, которые оборачиваются разными институциональными результатами. Хотел бы подчеркнуть, что проект под руководством А.Ю. Мельвиля во многих отношениях идет дальше, чем подобные исследования за рубежом. Он, безусловно, дает очень много и для понимания активности стран БРИКС с точки зрения их международного статуса.

На мой взгляд, первоначальный успех политического заседания этого объединения (тогда еще в составе Бразилии, России, Индии и Китая) был связан с неудовлетворенностью этих стран своим статусом в рамках либерального (американоцентричного) мирового порядка. Не удовлетворены они были в разной степени, причем Россия уже стремилась к изменению либерального миропорядка как такового. Другие полагали, что необходимо улучшить свои позиции внутри этого миропорядка, не добиваясь непременно его демонтажа. Общим знаменателем для всех стало возрождение принципа суверенитета, и это стало привлекать и других международных акторов, недовольных глобализацией и ее политическими последствиями. Сейчас ситуация изменилась. С одной стороны, Китай как будто готов присоединиться к России в отношении преобразования либерального мирового порядка. Китай его просто «перерос», он теперь слишком большой, чтобы чувствовать себя комфортно в роли ведомого. В то же время конфронтационная линия администрации Трампа не оставляет Пекину особого выбора. Правда, не факт, что новый миропорядок, главной движущей силой перехода к которому будет Китай, окажется более благоприятным для России. С другой стороны, Бразилия, Индия и ЮАР по-прежнему заинтересованы в повышении статуса внутри существующего международного порядка. В силу этого трудно ожидать, что в ближайшее время страны БРИКС смогут прийти к каким-то совместным прорывным решениям.

Но есть другой аспект, так сказать, оборотная сторона международного статуса и глобального влияния государств. Я имею в виду проблематику государственной уязвимости (*vulnerability*). Этот сюжет сейчас начинает привлекать все большее внимание отечественных исследователей, и для всех, кто трезво оценивает политико-экономическую динамику в современной России, понятно, почему это так. Мы с Анастасией Понамаревой внесли свой вклад в обсуждение темы уязвимости и стрессоустойчивости российского государства по итогам предновогоднего ситуационного

анализа¹. Очень важные соображения по этой теме высказывают Ф.А. Лукьянов, А.И. Миллер, А.О. Безруков, Д.В. Тренин, А.П. Цыганков, ряд других наших коллег.

Если коротко, то управление уязвимостью является необходимым условием обеспечения внутривнутриполитической стабильности и сохранения достойной позиции страны в системе международных отношений. Но в какой степени стремление к укреплению статуса международного игрока совместимо с управлением уязвимостью? Очевидно, возникают серьезные проблемы, если эти задачи противоречат друг другу. А в истории России и Советского Союза можно найти немало примеров, когда власть в погоне за международным статусом приносила в жертву задачи внутреннего развития и тем самым значительно повышала внутреннюю уязвимость.

На мой взгляд, если мы хотим адекватно оценивать перспективы стран БРИКС с точки зрения их уязвимости и выявить степень стрессоустойчивости их политико-экономических систем, то надо учитывать следующие моменты. Во-первых, категория «уязвимость» нуждается в реконтекстуализации применительно к международным отношениям, взаимосвязи внутренней и внешней политики, представлениям о национальных интересах. Рассматривая уязвимость как недостаточную способность системы (в частности, политической) противостоять внешнему воздействию, направленному на ее ослабление или уничтожение, мы должны фокусировать внимание на реляционном характере этого феномена.

Во-вторых, характер взаимоотношений международных акторов актуализирует различные измерения уязвимости в широком диапазоне, начиная от природно-климатических условий экономической деятельности на территории данного государства и заканчивая степенью сплоченности политической нации (при ее наличии) вокруг значимых для нее исторических символов, культурного наследия и образов желаемого будущего.

В-третьих, взаимоотношения международных акторов могут рассматриваться как динамичный баланс преимуществ и уязвимостей. В этом контексте большое значение приобретает также тем-

¹Ефременко Д.В., Понамарева А.М. Опасный год: О стрессоустойчивости современной России // Россия в глобальной политике. – 2019. – 14 января. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Opasnyi-god-o-stressoustoichivosti-sovremennoi-Rossii-19901> (Дата посещения: 21.08.2019.)

поральное измерение уязвимости, когда действия различных участников международных интеракций приводят к появлению «окон уязвимости» или, напротив, к их закрытию. Скажем, разворачивающаяся борьба за глобальное экономико-политическое лидерство между Китаем и США интересна, в частности, тем, что администрация Трампа и руководство КПК действуют в разных темпоральных горизонтах.

Помигуев И.А. Отдельно отмечу, что противостояние США и Китая или США и России не приводит, например, к противоборству таких международных групп, как G7 и БРИКС. Страны «пятерки» продолжают выстраивать свои отношения с Соединенными Штатами, Бразилия и ЮАР точно не ставят своей целью изменение миропорядка, Китай с Индией тоже очень аккуратно относятся к таким мыслям. Поэтому интересно звучат идеи российских властей представить БРИКС как некую коалицию государств, формирующую «справедливое многополярное мироустройство»,¹ при этом роль России в такой коалиции на первый взгляд определить достаточно сложно, к тому же ожидания российских властей могут не совпадать с реальностью.

Если мы говорим про G7, то среди участников группы больше сходств, чем различий, а лидер ярко выражен и в политическом, и военном, и экономическом плане. Возвращаясь к тезису, что различий между странами БРИКС больше, чем сходств, возникает снова вопрос определения характеристик, способных оценить то самое влияние на мироустройство, о котором так часто задумываются российские власти.

Григорьев Л.М. К вопросу об индексах и индикаторах развития экономических и политических институтов. По большому счету, в странах БРИКС схожи лишь такие характеристики, как завершение индустриализации, ранняя постиндустриализация, ловушка среднего уровня развития, огромное социальное неравенство. В то же время несовпадение уровней развития экономики, социальных институтов и политических структур является для БРИКС достаточно рискованным. Многие западные аналитики

¹ БРИКС – к новым горизонтам стратегического партнёрства // Президент России. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55487> (Дата посещения: 22.08.2019.)

делают упор именно на факторах дивергенции, предрекая БРИКС утрату политического влияния. В чем-то это действительно происходит, сейчас планка ожиданий значительно ниже, чем когда БРИК еще только создавался (без участия ЮАР). Но нам в любом случае необходимо понять, каким образом это «объединение непохожих» способно внести значительный вклад в трансформацию мирового порядка. Я думаю, тут более важны не совместные политические декларации лидеров БРИКС, а социально-экономические и социокультурные процессы в каждой из этих стран, которые уже в среднесрочной перспективе могут оказать решающее влияние на мировую экономику и достижение целей глобального устойчивого развития. Кстати, цели устойчивого развития ООН – ЦУРы – вот вам еще один многомерный индекс.

Давайте остановимся на одной из ЦУРов – на борьбе с неравенством и проблемах межстранового сравнения соответствующих показателей. Вообще говоря, несмотря на ставшие классическими труды макроэкономистов и институционалистов, по-прежнему непросто ответить на вопрос, как экономический рост влияет на неравенство между странами. Здесь необходимо стремиться к получению более ясного представления о динамических процессах. Рассматривая экономический рост в странах БРИКС, следует стремиться к рассмотрению всей совокупности гетерогенных факторов на основе единого подхода. Существующая статистика позволяет оценить уровень ВВП на душу населения по ППС в 174 странах мира начиная с 1992 г. На этой основе вполне возможно провести межстрановое сравнение, распределяя страны БРИКС по семи кластерам, различающимся по уровню развития в 1992 г., и анализируя их последующую динамику. Неравенство здесь оказывается важнейшим фактором.

В странах БРИКС задача снижения социального неравенства поставлена на политическом уровне. Так, глава российского правительства Д.А. Медведев три года назад указывал, что оно «не вызывало особой тревоги в условиях устойчивого и динамичного роста», но теперь «становится источником экономической и политической нестабильности». Правительство ЮАР главными факторами, тормозящими развитие в настоящее время, называет безработицу, неравенство, бедность, а также отсутствие необходимой инфраструктуры, в том числе для более быстрого развития промышленности. На 18-м съезде КПК премьер Госсовета КНР Ли Кэцян назвал со-

действие социальной справедливости одним из приоритетных направлений развития страны. После 2008 г. в Китае значительно снизился уровень бедности, но выросло неравенство (в том числе за счет роста доходов городского населения относительно доходов сельского). А в целом значительный рост благосостояния в КНР сопровождался неравенством, высоким для социалистической страны, но относительно низким по сравнению со многими развивающимися странами. В настоящее время вопрос о перспективах неравенства, снижение которого могло бы поддержать переориентацию роста на внутренний рынок, стал в Китае предметом анализа и обсуждения. В процессе рыночного подъема (между 1980 и 2015 гг.) произошел огромный скачок в развитии, был достигнут новый уровень жизни, но сформировался и новый тип социального неравенства с отрывом доходов 10-го дециля от остального населения, что документировало исследование МВФ. Как вы понимаете, все это имеет серьезные политические последствия, в том числе в плане уязвимости государств, о которой говорил Дмитрий Валерьевич [Ефременко].

Павлюшина В.А. По неравенству получается следующая картина. Группа стран БРИКС объединяет экономики с существенными различиями в уровне развития и моделях экономического роста. Китай, сравнимый по численности населения с Индией, производит почти в 2,5 раза больше ВВП по ППС (23,2 трлн межд. долл. и 9,5 трлн соответственно в 2017 г.). Разброс показателя ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах 2017 г. внутри БРИКС составляет 3,9 раза.

Значения этого показателя для Китая, Бразилии и ЮАР близки: 16,7, 15,6 и 13,5 тыс. межд. долл. / человека соответственно. Россия почти в два раза опережает эти страны (27,8 тыс. межд. долл. / человека), а Индия в два раза отстает от них (7,2 тыс.). При этом максимальное социальное неравенство отмечается в ЮАР. Доля наиболее богатого 10-го дециля в доходах в 2017 г. была равна 50,5% в ЮАР, 40,4 – в Бразилии, 31,4 – в Китае, 29,8 – в Индии и 29,7% – в России.

Григорьев Л.М. Есть еще один очень важный показатель – динамика убийств и самоубийств. Эти социальные девиации – разные по своей природе, но они характеризуют значимые процессы в различных обществах. Интересную, во многом новаторскую работу по этой тематике выполнила Любовь Поповец, у нас скоро выйдет по этой теме статья.

Поповец Л.А. Если вкратце, то идея в том, что включение в социологический анализ состояния и развития стран мира таких показателей, как относительная величина (на 100 тыс. жителей) убийств и самоубийств, даст возможность оценить уровень «устойчивости» общества, а также силу социальных связей, т.е. как близость отношений между индивидами, так и развитость общественных институтов. По крайней мере, это позволит сделать подобную оценку более обоснованной и полной. Очень важно также выявить корреляцию показателей с такой комплексной характеристикой, как «счастье». Это составной показатель, включающий в себя большой набор индексов, которые охватывают многие социальные, политические и психологические факторы удовлетворения жизнью.

Григорьев Л.М. То есть это некий норматив, объясняющий, почему жители стран с устойчивыми социальными институтами, в теории, должны быть счастливы.

Поповец Л.А. Да, конечно. И вот что коротко можно сказать относительно стран БРИКС. На уровне теоретических представлений уровень счастья должен отрицательно коррелировать с уровнем убийств. Однако для наиболее богатых стран наблюдается не очень значимая, но положительная корреляция этих двух показателей. В странах – членах группы уровень счастья довольно низким – в 2017 г. выше, чем в среднем по миру, – был только в Бразилии и России, в последней – совсем незначительно. Но и уровень самоубийств в БРИКС невысокий, снова за исключением России.

Для понимания показателя счастья в данных странах имеет смысл поделить опросный показатель счастья на расчетный индекс за 2010–2014 гг. – в период до кризисов в Бразилии, ЮАР и России. Страны разные, они серьезно отличаются по типу и развитию институтов, по уровню государственной состоятельности, но при усреднении перепады оказываются очень значительными в пользу Бразилии, которая после 2014 г. претерпела тяжелейший кризис, в том числе коррупционный. Получается, что при социальной нестабильности жители страны все равно более счастливы, чем, например, в КНР, в которой при высоких темпах роста экономики было зафиксировано снижение уровня счастья.

Связь показателей социальных расстройств – убийств и самоубийств – с опросными и расчетными показателями «счастья» в странах БРИКС не может носить простой характер. В рамках социально-психологической ситуации в странах БРИКС контраст

«счастья», расчетного и опросного, и потерь населения от убийств и самоубийств сохраняется.

Помигуев И.А. Несмотря на сказанное выше, острым остается вопрос определения внутренних и внешних характеристик, оказывающих влияние на рассматриваемые государства. Если точнее, то каким образом внутренние характеристики социально-экономического или политического развития связаны между собой у стран БРИКС (особенно те, что сильно отличаются), и какое влияние они оказывают на соседние страны?

Григорьев Л.М. От развития стран БРИКС, улучшения их социальных институтов зависит ситуация, в том числе, в соседних странах, на которые они оказывают влияние как региональные лидеры в процессе взаимодействия. Так что сокращение показателей убийств и самоубийств в России, Бразилии и ЮАР – это не только индикатор их внутреннего состояния, не только часть перехода к устойчивому развитию, но и пример для остальных стран в области безопасной и комфортной жизни граждан. При этом есть основания надеяться, что увеличение дохода в странах группировки и снижение уровня убийств не вызовет увеличения интенсивности самоубийств, как это происходит в развитых странах.

Помигуев И.А. Получается, что эти показатели тоже имеет смысл включать в анализ степени государственной состоятельности?

Григорьев Л.М. Полагаю, что да, в определенной степени. Но для понимания данных процессов в условиях развития нужны более глубокие исследования и, вероятно, те или иные меры установления социального порядка. Я думаю, что такие исследования могли бы стать частью процесса изучения перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, роли культурных кодов (и теории «колеи») в жизни современного общества.

Ефременко Д.В. Отличная постановка задачи для нового масштабного проекта.

Григорьев Л.М. Согласен. И важность такого исследования у нас становится еще большей в связи с председательством России в БРИКС в следующем году.

Стародубцева М.Ф. Несколько слов о нынешнем председателе БРИКС – Бразилии. Мы уже обсуждали, что приход к власти Ж. Болсонару – это вызов для объединения БРИКС. Но это в первую очередь вызов для самой Бразилии. И реакция значительной части избирателей на провалы политики прежних политических

элит, в том числе левых лидеров – Лулы и Дилмы Русеф, хотя в их социально-экономической политике были и бесспорные достижения. Бразилия попала в ловушку среднего уровня развития. Леонид Маркович [Григорьев] и Виктория [Павлюшина] писали об этом ранее. Нерешенными остаются задачи модернизации технологий управления, изменения направлений инвестирования вместе с перестройкой системы финансирования. Критическое значение имеет развитие физической инфраструктуры и инфраструктуры для поддержания и ускорения формирования человеческого капитала. Но самые серьезные проблемы – это сохранение огромного социального и регионального неравенства, низкий уровень производительности труда в промышленности, недостаточные внутренние сбережения и инвестиции, низкая квалификация рабочей силы, плохое образование. Для решения их требуется более высокое качество институтов, обеспечение равенства перед законом, снижение коррупции...

Понамарева А.М. Но и для России необходим тот же самый набор изменений.

Стародубцева М.Ф. Несомненно. Притом что страны БРИКС разные, между Россией и Бразилией проявлений сходства тоже немало. Чего мы сейчас пока не знаем в отношении Бразилии – это того, поможет ли политический крен в сторону правого популизма решить эти проблемы, возможно, станет только хуже.

Понамарева А.М. Еще несколько слов об институтах и качестве управления, но уже применительно к России. Посмотрите, наша вертикаль власти выглядит жесткой и (по крайней мере, внешне) консолидированной. Но это совершенно не значит, что система застыла в состоянии внутреннего равновесия, что все в ней отлажено и полностью контролируется сверху. Напротив, мы явно наблюдаем возрастание энтропии и усиление процессов самоорганизации. Все чаще дают о себе знать системные пороки, обусловленные эффектом отрицательного отбора, связанного с тем, что в 1990-е годы в госслужбе был огромный провал, когда самые предприимчивые и активные уходили в бизнес, а бюрократическую стезю избирали отнюдь не самые одаренные... Эти «оставшиеся» росли, росли и выросли... Каждый из них держится за свое место, полагая, что заместитель «как минимум» не должен быть умнее его самого. Приоритет отдавался не профессионализму, а личной преданности. В результате средний уровень чиновничества

все чаще оказывается неадекватен стратегическим задачам, транслируемым сверху.

Ефременко Д.В. Ну, мы здесь не одиноки во Вселенной. Проблемы качества управленческих элит повсюду в БРИКС достаточно серьезны. В Южной Африке и вовсе особая история...

Салахетдинов Э.Р. Качество управленческих элит в ЮАР действительно деградировало в последние годы. В 1994 г. к власти пришли вчерашние партизаны, причем если руководство АНК состояло из людей образованных, то множество рядовых членов партии буквально имели несколько классов образования. Новое правительство начало осуществлять программу по коренизации государственных кадров. Она, в частности, предусматривала меры позитивной дискриминации при приеме на работу с целью усиления черного представительства в органах власти и бизнесе. В результате был сформирован новый управленческий аппарат, где множество людей не имели достаточной компетенции в сфере административного управления, были уязвимы перед коррупционными соблазнами и склонны к nepотизму.

Сегодня, спустя четверть века с момента ликвидации режима апартеида, вопрос межрасового неравенства в ЮАР по-прежнему стоит очень остро. На фоне продолжающейся экономической стагнации и снижения реальных доходов черных южноафриканцев леворадикальные и популистские призывы (национализация Центробанка страны, экспроприации земель белых фермеров и т.д.) становятся все более популярными. Этот «дамоклов меч» черного передела является одним из наиболее серьезных вызовов стабильности политической и экономической системы Южной Африки.

Внешняя политика ЮАР является отражением доминирующей в стране левополитической и афроцентристской парадигмы. Вступление ЮАР в БРИК в 2010 г. связывают с «антиимпериалистической» ориентацией экс-президента ЮАР Джейкоба Зумы. Тогда отмечалось, что благодаря этому «кирпич превратился в кирпичи»¹. Несмотря на то что ЮАР является самой маленькой экономикой БРИКС, обладает наименьшей территорией и населением, она как наиболее развитая страна Африки представляет континент с самым быстрорастущим населением и активно развивающейся

¹ Игра слов в английском «bric(k)» – кирпич, «bric(k)s» – кирпичи.

экономикой. Таким образом, Южная Африка обеспечила в своем лице представительство африканского мира, тем самым укрепив международную репутацию и статус БРИКС.

Сегодня ЮАР страдает от замедления темпов роста экономики, зависимости от экспорта природных ископаемых, высокой коррупции, оттока капитала и плохого управления. Особо остро стоит проблема развития энергетического сектора и инфраструктуры. Дефицит электроэнергии за последние десять лет стоил бюджету страны десятки миллиардов рандов убытков. Для преодоления энергетического дефицита рассматривался проект строительства новой АЭС (ЮАР – единственная страна Африки, имеющая действующую АЭС). Фаворитом тендера долгое время считался Росатом, однако в результате разновекторного сопротивления проект был закрыт, встретив сильное сопротивление как внутри страны, так и на международном рынке ядерной энергетики.

В отношении ЮАР часто можно встретить алармистские прогнозы, однако у политической системы страны есть хороший запас прочности. ЮАР является развитым демократическим государством, возможно, наиболее демократическим среди стран БРИКС. Так, здесь нет ни одного проправительственного печатного издания, действует независимая судебная система, а митинги и забастовки являются неотъемлемой частью ежедневного политического ландшафта. За счет системы сдержек и противовесов, развитого гражданского общества, высокой степени свободы, подчас с элементами анархизма, политическая система ЮАР остается гибкой и стабильной, а граждане имеют легальные механизмы для отстаивания своих прав.

Помигуев И.А. Подводя небольшой итог обсуждения, отмечу, что страны БРИКС имеют больше различий, чем сходств. Несовпадение уровней развития экономики, социальных институтов и политических структур является для группы достаточно рискованным. Однако только глубокое исследование социально-экономической, социокультурной и политической динамики стран БРИКС поможет нам более точно определить трансформационный потенциал и перспективы воздействия БРИКС на существующий международный политико-экономический порядок.